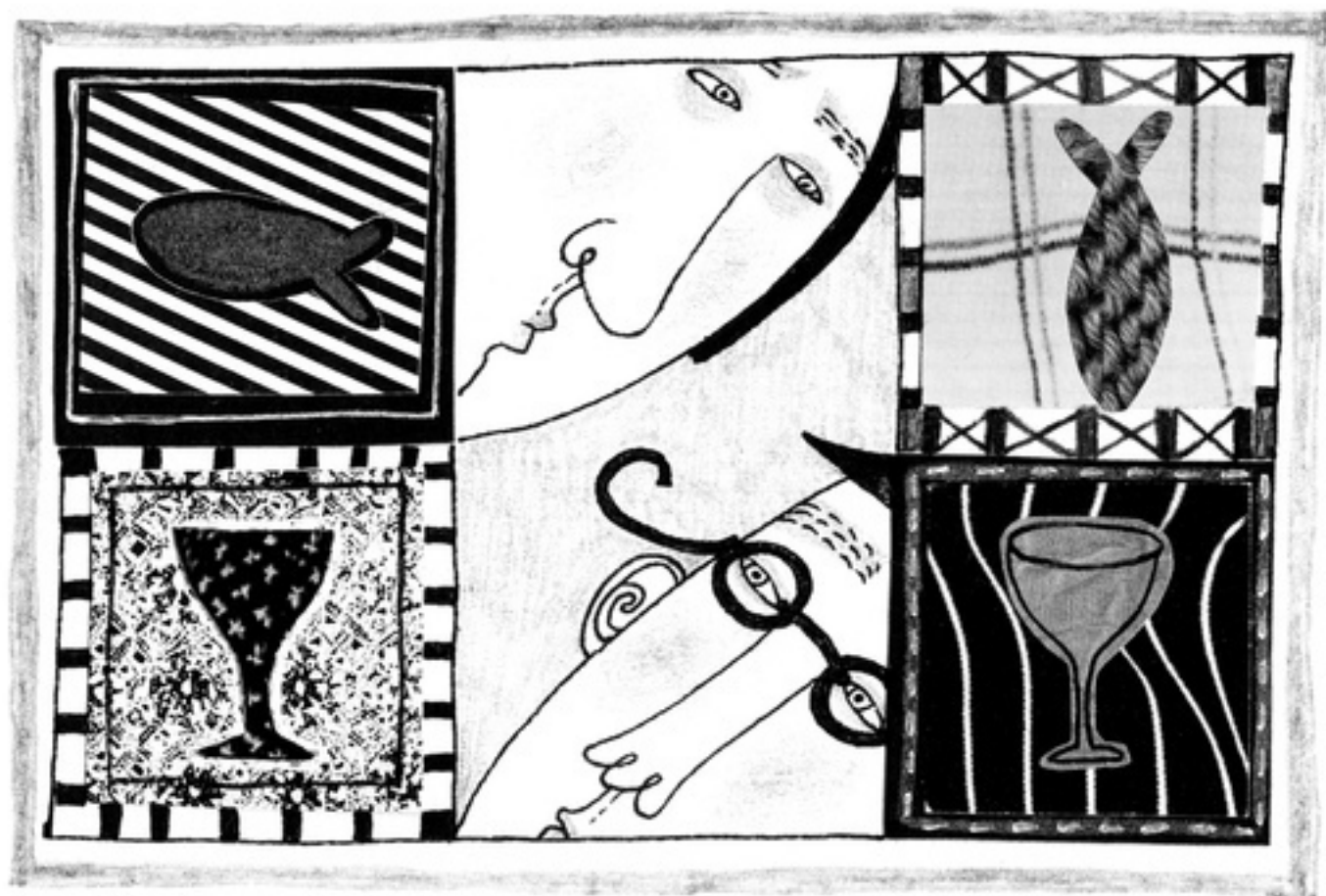

Владимир Дэс

Курька

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс

Курилка (сборник)

«Автор»

Дэс В.

Курилка (сборник) / В. Дэс — «Автор»,

В данный сборник вошли рассказы: 1. Курилка 2. Возвращение
блудного папы 3. Лишний человек 4. Лора 5. Львица 6. Любовь – это
жизнь 7. Откос 8. Патруль 9. Актёр 10. Писарь 11. Разрыв 12. Создание 13. Щедрость

© Дэс В.

© Автор

Содержание

Курилка	5
Возвращение блудного папы	8
Лишний человек	12
Лора	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Дэс

Курилка (сборник)

Курилка

Каким же было мое удивление, когда я увидел, что женщина курит. Мне в ту пору было пять лет, и в моем детском мире, а значит, и во всей Вселенной, курили только мужчины, а женщины – ни-ни.

То, что женщины иногда выпивали рюмочку-другую сладкого вина, я знал.

Что мужчины и женщины целуются, и от этого появляются дети, тоже знал.

Но то, что женщина может курить, для меня было полной неожиданностью.

Когда я высказал это свое удивление маме, она просто отмахнулась от меня, сказав:

– Это не женщина, это тетя Нина-курилка.

И тогда я понял, что эта курящая тетя какая-то особенная.

Не как все тети.

Она и на самом деле была особенная. Жила одна в своем бревенчатом доме на окраине города. В ее саду за домом цвела и плодоносила крупная «Родительская» вишня, а в глубине росли разлапистые яблони с белыми, как сахар, прозрачными на свет яблоками.

Но мы, мальчишки, редко лазили в ее сад, так как там жили самые страшные для нас существа – злые жужжащие пчелы. Всех, кто попадал в их поле видимости, они ужасно и безжалостно жалили. Всех, но только не тетю Нину-курилку.

И вообще люди поговаривали, что тетя Нинка-курилка знала язык пчел, и поэтому они ее слушались и приносили много сладкого и желтого, как солнце, меда.

И эта необычная женщина с ее умением курить и разговаривать с пчелами, волшебным садом и сладкой вишней тянула меня к себе, как магнитом. И как-то так незаметно мы с ней подружились.

Тетя Нина была веселой и жизнерадостной, как, впрочем, и дом, в котором она жила, и сад с вишнями, пчелами и яблонями – все было пронизано какой-то легкостью и жизнелюбием. А курить, как оказалось, она начала из-за пчел.

Отец ее умер рано, когда она еще не полностью освоила уроки пчеловодства, и чтобы ухаживать за пчелами и собирать мед, ей пришлось закурить. Сначала курила для дыма, чтобы ее не кусали пчелы, а потом это вошло в привычку.

Мужа и детей у нее никогда не было, да и родственников тоже. Так что меня она полюбила как сына. А мне за эту необычную дружбу часто попадало от родителей.

И правда, что может быть хорошего от дружбы мальчика со взрослой одинокой женщиной, курящей и даже пьющей. Она делала такое количество медовухи, что не успевала ее продавать, поэтому остатки пила сама.

Иногда у нее появлялись любимые мужчины. Но ненадолго. Что-то с ними у нее никак не ладилось, хотя в эти дни она не пила и не курила. Может, поэтому у нее и не ладилось.

Я рос.

Тетя Нина жила.

Выпивала, курила и принимала на какое-то время случайных мужчин. Продолжала быть веселой и задорной.

Но я все время смотрел на нее и ждал.

Ждал, когда же она помрет.

В этом были уверены все: и мои родители, и все наши соседи, и участковый, и моя школьная учительница.

А она все не умирала.

Она своим проживанием в нашем обществе подрывала моральные устои, правила долгожительства и авторитет медиков, которые всегда утверждали, что пить, курить и прелюбодействовать нельзя, даже по отдельности это все вредно для здоровья, а в совокупности – просто смертельно.

Нам, детям, показывали на нее пальцем и говорили:

– Видите, какая плохая тетя, она курит, поэтому скоро заболеет и помрет.

А когда тетя Нина, шатаясь, шла к своему дому, опять показывали пальцем и говорили:

– Видите, какая тетя бяка. Она пьет бяку и поэтому скоро умрет.

А женщины, наши мамы, обсуждали каждое романтическое увлечение тети Нины, стоя кучками, и обязательно прогнозировали ей кучу болезней.

А Нинка-курилка не умирала и не умирала. Она даже никогда не болела. Только простудой, и то быстро вылечивалась своей крепчайшей медовухой.

Так текли годы.

Я вырос и ушел в армию.

Вернулся.

Женился.

Но не закурил и не стал пить, как моя знакомая. По праздникам, конечно, выпивал, но немного. Видимо, это постоянное ожидание смерти человека, к которому сильно привязан в детстве, действует как тормоз на все вредные привычки.

Наконец у нашего поколения пошли дети, которые подросли. И уже они стали лазить в сад Нинки-курилки. И уже мы стали пугать их пороками этой женщины, мы, которые сами выросли на этих страшилках.

У многих моих ровесников стали умирать родители.

А тетя Нина-курилка как жила, так и продолжала жить и ухаживать за своими вишнями, яблонями, пчелами.

Когда мне исполнилось тридцать лет, по воле судьбы я покинул родные края и почти двадцать лет прожил вдалеке не только от своей малой родины, но и от своей страны. Но, выйдя на пенсию, вернулся и местом жительства выбрал свой город, где родился.

Он сильно изменился.

Я, как только обустроился, поехал туда, где прошло мое детство.

Кругом были новостройки, широкие проспекты.

Но домик с садом тети Нины-курилки стоял. Только уже не на окраине, а почти центре.

Честно говоря, я никак не думал увидеть ее в живых. Но в калитку все же постучал. Навстречу вышла она. Старая, седая, но с острыми глазками и неизменно: папироской во рту. Я даже вскрикнул:

– Тетя Нина, жива!

– Жива, жива, а что мне сделается, же вся законсервирована спиртом да никотином.

С этими словами она обняла меня и провела в дом.

Дом постарел. И сад постарел. Вишни почти не было, яблони одичали, пчелы исчезли. Оставшиеся ульи, вросшие в землю, гнили.

«Да, старость, – подумал я. – А сколько же ей лет? Ведь она, на сколько я помню, была даже постарше моих родителей. А сейчас не то что родителей, моих сверстников многих в живых нет, а она живет».

В доме тетя Нина пошарила по углу буфета, поставила на стол бутылку водки закуску, Я прямо оторопел.

– Тетя Нина, ты выпиваешь?

– Конечно.

В это время за перегородкой кто-то закашлял.

– Кто там? – спросил я, поняв, что она не изменила своим традициям.

– А, это мой знакомый. Сейчас живет у меня.

Из-за перегородки вышел парень. Не скажу, что молодой, но где-то средних лет, хотя и не совсем свежий.

Мы втроем выпили по рюмке.

Парень сразу захмелел и пошел спать, а мы выпили еще по одной и долго сидели вдвоем, вспоминая наши дворы, знакомых из того далекого времени.

Когда я пришел домой, жена удивилась, что от меня пахло водкой, но она удивилась еще больше, когда я сказал, с кем выпивал. Вы бы только видели ее лицо.

Но оказалось, что и у тети Нины все же был конец жизни. Как бы она не была проспиртована и прокурена, она умерла. Умерла в девяносто шесть лет.

Хоронил ее я.

Ее очередной жених сбежал сразу же после ее смерти, прихватив с собой все мало-мальски ценное, а родных, как вы знаете, у нее не было.

Но до сих пор стоит она перед моими глазами – радушная, добрая женщина, с мягкой улыбкой, давно привыкшая к укорам и насмешкам в свой адрес и давно простившая всех, кто пытался стать судьей в ее судьбе, данной ей только Богом.

Возвращение блудного папы

Не бывает возвращений без уходов.

Правда, уход не всегда заканчивается возвращением.

Поэтому прежде чѐм рассказать вам о возвращении моего блудного папы, я расскажу о его уходе. Вернее, о его уходах.

Уходы папы бывали всегда неожиданны.

Светит солнце, по радио передают последние новости, брат с сестрой только что проснулись, но уже делят игрушки, я причесываюсь у зеркала.

Мама жарит блины, так как сегодня – суббота, а по субботам в нашей семье всегда блины.

Папа делает физзарядку. Он очень следит за своим здоровьем.

С момента его возвращения после последнего ухода прошло больше года, вот поэтому в это утро бдительность в нашей семье притупилась. Казалось, что этот кошмар уходов закончился навсегда, что он больше не повторится. Память, она на то и память, чтобы уметь забывать.

Так вот, мама жарила блины.

Папа делал зарядку, поднимая пятикилограммовые гантели.

Я причесывалась.

Сестра с братом делили игрушки.

Светило солнце, говорило радио.

И тут мама сказала:

– Отец, добеги до магазина, купи творога, я несколько творожников сделаю.

Отец положил гантели, натянул спортивный костюм, взял мелочь и вышел из дома.

Минут через пять после того, как за отцом захлопнулась дверь, шум посуды на кухне вдруг затих, и в квартире нависла гнетущая тишина, даже младшие сестренка и братик перестали ссориться.

Я отскочила от зеркала, бросила расческу и бегом ворвалась на кухню.

Мама сидела на табуретке, безучастно глядя в угол стола.

– Мама, что случилось?

– Ничего, дочка, просто Он опять ушел.

Я испугалась, но, словно цепляясь за последнюю ниточку, затараторила:

– Нет, нет, мама, прошло только пять минут, он сейчас вернется с творогом, сейчас вернется.

А сама быстро оделась и побежала в молочный магазин, который находился в нашем доме на первом этаже. Там отца не было.

Я обежала дом, потом соседний. Сбегала на остановку.

Нет.

Я села на ступеньку у своего подъездного крыльца и заплакала. Заплакала от жалости к маме, отцу и, конечно, к себе.

Я проснулся с прекрасным настроением.

Жена уже готовила мои любимые субботние блины.

Дети тоже встали – у меня их трое. Я их всех безумно люблю.

В окно светит солнце.

Из кухни доносятся последние новости, передаваемые по радио.

Взял гантели, начал разгонять кровь в мускулах.

И в это время жена попросила купить творога.

Я очень люблю блины с творогом, поэтому, натянув спортивный костюм и надев кроссовки, взял мелочь и пошел в молочный магазин, который был в нашем доме на первом этаже, а, выйдя из дома, заодно решил пробежаться по набережной – так, для здоровья.

Я уже говорила, что отец пропадает всегда неожиданно и безо всякого повода. Не скажу, чтобы у нас дома всегда все гладко. Но, во всяком случае, ни скандалы, ни плохое настроение, ни иные проблемы никогда не были поводом для его ухода. Иногда мне думалось, что в нашей семье надо жить в состоянии постоянного скандала, беды и неприятностей, тогда, может быть, отец и не уйдет никогда в уход.

А уход его, как правило, продолжается недели две. И найти его в это время практически невозможно, если только случайно, как я случайно обнаружила его в один из уходов. Мы с подружкой тогда бросили какому-то грязному оборванцу несколько копеек и пошли дальше. И ушли бы, если бы я не услышала до боли знакомый хриплый голос отца: «Спасибо».

Я купил творога и с пакетиком побежал через сквер на набережную.

Какая красота открывается с высокой набережной. Какой простор! Даже дышится легче, когда видишь ширь и мощь этого места.

Всегда возникает желание оттолкнуться и закружиться в полете, как кленовое семечко, быстро-быстро, быстрее вертолета.

В детстве, где-то в классе седьмом, очарованный этими осенними полетами кленовых семян с откоса вниз к реке, я даже начал самостоятельно строить вертолет. Собирал по свалкам электромоторы, батареи, алюминий для кабины. Но так и не достроил, так как стал изучать физику в школе, и пришла пора понять, что вертолета мне не построить. Тогда придумал купить тысячу штук надувных первомайских шаров и, накрыв их сеткой, то есть старым бреднем для ловли рыбы, улететь, как на воздушном шаре. Зная, что для этого нужен водород, мною из химического кабинета была похищена соляная кислота и раздобыты цинковые блямбочки для химической реакции с целью получения водорода.

Правда, опыты мои быстро закончились посредством изъятия всех химикатов моими родителями. Так я расстался и с этим своим проектом, но не со своей мечтой.

Хотя я и летал после этого и на вертолетах, и на самолетах, но того ощущения юности уже не было.

Внизу у реки сидели рыбаки.

Я перелез через чугунную решетку и побежал к рыбакам. Побродил, посвистел и тронулся на речной вокзал. Там в буфете купил две буханки серого хлеба, в кассе – билет на «Ракету» и поплыл.

Так хотелось покормить чаек. Я встал на нос «Ракеты» и, обдуваемый ветром, как при полете, стал кидать хлеб в воду. Чайки с гвалтом набрасывались на мое угощение.

Другой раз я нашла отца в неврологическом диспансере, куда его доставили из вычислительного центра какого-то физико-математического института. Днем он прятался, а по ночам пытался решить какую-то наисложнейшую задачу. Какую именно, я так и не поняла.

Для всей нашей семьи всегда было загадкой, почему отец сам добровольно никогда не возвращался в семью. Его обязательно надо было найти, чтобы он вернулся. А сам он об этой загадке не говорил.

Хотя мы знали, что он всех нас безумно любит и расставание с нами для него страшный удар. Я чувствовала, что через какое-то время после ухода он начинал страдать и переживать за то, что он причиняет нам боль, зная, что мы страдаем и переживаем за него.

Но почему же он не шел домой, продолжая мучить и себя, и нас?

Прямо как садист. Мне Порой казалось, что я начинаю просто ненавидеть этого импульсивного, доброго, рассеянного человека за то, что он делает с мамой и со мной.

Кидал я хлеб, кидал и вдруг заметил, что хлеба больше нет.

Оглянулся.

Стою на верхней рубке мчащейся куда-то по реке «Ракеты» на подводных крыльях.

Сколько же прошло времени?

Темнеет.

Причалили к какой-то пристани.

Я сошел.

Как я попал на этот корабль?

Где я?

Почему уже темно?

Кажется, я пошел покупать творог.

«Ракета» отплыла. Капитан на прощание помахал мне рукой.

Куда-то вверх шла дорога.

Я пошел по ней.

Наверху над откосом стояло несколько деревянных домиков.

Я постучался в крайний.

Залаяла собака. Скрипнула половица. Чей-то голос, цыкнув на собаку, проворчал:

– Кого черт несет?

Дверь открыл маленький, худенький человечек.

– Вы знаете, я заблудился, – сказал я.

Осмотрев меня с головы до ног, он сказ!

– Проходи.

Я зашел в дом.

Человек поставил на стол капусту, хлеб и трехлитровую банку с синей жидкостью.

– Пить будешь? – спросил он меня.

– Вы знаете, я не пью.

– Тогда уходи, – сказал человек и убрал банку с синей жидкостью под стол.

Уходить неизвестно куда мне не хоте-, лось, и я, махнув рукой, сказал:

– Буду.

– Вот это хорошо, – сразу завеселел человек и опять достал банку с синей жидкостью.

Он до краев налил два граненых стакана.

– Давай за знакомство.

– А что это? – спросил я, взвешивая в руке стакан.

– Не бойся, это свое производство.

С этими словами он опрокинул содержимое стакана себе в рот, который для такого маленького человека оказался очень большим. Я осилил только половину и, чтобы не почувствовать запаха, быстро затолкал себе в рот квашеную капусту. В голове загудело. И, очевидно, не у меня одного. Мой напарник по питию заговорил:

– Как ты думаешь, почему я тебя впустил и угощаю?

И, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Потому что ко мне из здешних никто не ходит. Приходится пить одному. А тут ты и, как я понял, не здешний. Значит, ничего не знаешь и поэтому пьешь со мной спокойно.

Так как у меня уже пошло головокружение, я только кивал, а он продолжал:

– А вот ты и не знаешь, кто я.

Я утвердительно кивнул, Что не знаю.

– А я – зверь. Со мной никто не здоровается. Я в тюрьме сидел. Жену с ребенком зарезал. Но свои законные отсидел. Теперь я чистый. Я чистый? – спрашивал он меня.

– Чистый, – кивал я.
– Их нет, а я живу. Уже восьмой десяток. Здоровье есть, хоть и был в лагерях, а никто не здороваётся. Справедливо?
– Да, – опять утвердительно кивал я.
– О да ты уже плывешь. Давай еще по одной.
Он долил в мой стакан синей жидкости и наполнил до краев свой.
– Пей! – приказал дед.
И, уже глотая жидкость, я услышал:
– Первач у меня забористый. Я его на курином помете настаиваю.
И все. Больше я ничего не помню.

Через две недели нам сообщили, что наш отец находится в реанимационном отделении областной больницы. И хотя он был уже в сознании, никак не хотел называть своего настоящего имени-отчества.

Но отца случайно узнал санитар, который раньше работал в психоневрологическом диспансере, куда отец неоднократно попадал после своих уходов.

Когда мы его забирали из больницы, он плакал. И мама плакала. А я нет. Я решила, что если он еще раз уйдет в уход, я его убью.

Я очнулся в больнице.

Когда полностью пришел в себя и осознал, сколько я здесь лежу, то ужас охватил мою душу и сердце. Как же там мои? Я же вышел на минуточку за творогом. А у жены гипертония. Я же ее так в гроб сведу. И дочь... Кажется, она уже люто ненавидит меня. Ладно маленькие, они еще ничего не понимают. И что со мной произошло? И как это я? Ведь хотел только на солнце с откоса посмотреть. А вот уже вторую неделю в реанимации. Лучше бы мне умереть, чем увидеть лица родных и самых близких мне людей. Лучше мне исчезнуть навсегда, без имени и рода. Ну, за что мне такое наказание? За что такие муки?

Лишний человек

Старая, плохо одетая женщина медленно шла по парку, расшвыривала суковатой палочкой свежевыпавший снежок у невысоких кустов, искала там пустые винные бутылки. Вдруг ее палочка, потревожив небольшой сугробчик, обнажила лицо мертвого человека с широко открытыми остекленевшими глазами и перекошенным в агонии ртом. Она охнула, часто-часто закрестилась и быстро поспешила от этого жуткого места.

Сколько стоит жизнь человеческая? Пятнадцать копеек, утверждают некоторые. Пять – узнать в справочной адрес, пять – доехать, пять – уехать.

Вот и Букин, молодой, красивый мужчина, искал, кому бы заплатить деньги, чтобы тот убил одного лишнего, как он полагал, человека. Лишнего потому, что он мешал ему лично.

В аптеку № 16 многие люди приходили не только за лекарствами, но и полюбоваться необычно красивой девушкой, работающей в первом рецептурном отделе. А мужчины помоложе, так те просто как мухи вились вокруг этого отдела. Многие пытались завести близкое знакомство, хотя у этой красивой девушки было на безымянном пальце правой руки обручальное кольцо.

Но все было тщетно.

Глаза у девушки были печальны, как у святых на русских иконах; виделась в них боль и тоска, читалась глубокая жизненная драма. Хотя эта драма была проста, как огурец.

У нее был муж – горький пьяница, тунеядец, болтун и хам. Уже много лет был. И много лет пил и не работал. Все время у него что-то болело: то душа, то тело. И такую он жалость вызывал в ее чистой душе своими болезнями и потерянностью, что она решила нести свой крест до конца. А когда он будет, этот конец? Кто его знает...

А вот Букин знал. Он давно, еще со школьной скамьи, любил эту красивую девушку. Но обстоятельства сложились так, что замуж за него она не вышла и они остались просто друзьями, правда, очень близкими друзьями. У нее от него не было никаких тайн, тем более семейных. Букин уже давно уговаривал ее бросить своего алкаша и выйти за него. Он почти не пьет, не курит, заработок имеет приличный и всю жизнь будет ей руки гладить.

Но на это она только плакала и говорила, что ее алкаш тоже человек, но совсем больной, совсем безвольный и без нее совсем пропадет, погибнет. Жалко его.

Букин от этого страшно скрипел зубами и молча матерился, проклиная свою судьбу за то, что угораздило его влюбиться в эту печальную женщину.

Но любовь – чувство эгоистичное и до крайностей злое.

А муж пил себе и пил.

Пропадал сутками. Дарил красавице-жене венерические болезни и плакался, плакался, мол, жизнь виновата, что он такой: отец был алкоголиком, мать проституткой. А он бы сам бы, если бы не эта проклятая наследственность, мог бы два института кончить. Всем мог бы показать. И еще покажет.

Но сначала надо опохмелиться. И жалобно, с настоящими слезами, начинал клянчить у своей любимой, самой дорогой, единственной, хоть чуть-чуть, хоть капельку. А не то он умрет, здоровья совсем нет. И начинал кашлять, хвататься за живот, кататься по полу.

И добивался своего. И опять все начиналось заново. Вино, друзья, подружки-«синеглазки», похмелье, стоны, слезы. Не жизнь, а какой-то сон с бредом.

После долгих поисков Букин нашел одного человека, вокруг которого, как ему виделось, постоянно крутились какие-то подозрительные личности. Человек этот торговал пивом в киоске. Букин долго ходил около него. Приглядывался и так и эдак. А что ему надо, никак не мог решиться сказать.

Но однажды, выпив кружок пять пива, он спросил, от волнения задыхаясь:

– С кем можно договориться, чтобы одного молодчика... одяжку в общем... отправить на тот свет? – Сказал, испугался и тут же добавил: – За приличное вознаграждение, конечно.

На что пивник, ничуть не удивившись, спросил:

– Приличное – это сколько?

Букин вспотел, но сказав «а», сказал и «б»:

– Пять.

– Десять, – поправили небрежно.

Хорошо, – согласился он, что-то просчитав в уме.

– Деньги принесешь вместе с адресом и фамилией. И все сразу. – Тут собеседник отвернулся от Букина – разливать пиво.

Недели через две обреченный пьяница, мучившийся очередной раз с очередного похмелья, неожиданно обрел щедрого друга. Тот начал угощать его с самого утра, а ближе к вечеру повел его в старый мрачный парк, предложив распить там прощальную бутылку. Когда они в укромном месте, стуча горлышком бутылки о кривые прокуренные зубы, добулькивали последние капли, к ним подошли двое.

Новый друг тут же куда-то исчез, а те двое, накинув плохо соображающему от вина счастливцу вокруг шеи шарф, потянули его концы в разные стороны. Пьяница захрипел, заскреб грязными пальцами, дернулся несколько раз и затих.

Они бросили его под кусты, закидали снегом и, плюнув на эту могилку, скрылись в пурге.

Когда несчастная женщина узнала о смерти своего мужа, то долго рыдала. Переживала, даже болела. И все это время рядом с ней был ее верный друг Букин.

Вскоре они поженились.

И зажили счастливо. Стали ходить в гости, гулять по вечерам, ездить на юг в отпуск.

Купили трехкомнатную квартиру с большой лоджией. Родили двоих детей. Завели аквариумных рыбок и канарейку.

А еще у них поселился бездомный рыжий кот с зелеными глазами. И никто не знал, чей он и откуда взялся. Просто пришел и стал жить.

«Ну и пусть живет», – решили все.

И даже Букин подумал: «Пусть. Пока нам не мешает, а начнет мешать... там видно будет».

Лора

– Добрый день, дорогие радиослушатели нашего канала «Дорога». С вами опять его ведущая – Лора.

Потом девушка с короткой светлой стрижкой переключила тумблер, и в эфир полилась быстрая ритмичная музыка.

Девушка сняла наушники. Откинулась в кресле, взяла тлеющую сигарету и жадно затянулась.

В стекло, отделяющее кабинку девушки от студии, постучала маленькая чернявенькая подружка.

– Лорка, твой не звонил?

Лора мотнула головой:

– Нет еще. – И, задумавшись, добавила – Позвонит.

Музыка заканчивалась.

Лора опять надела наушники и, переключив тумблер, заговорила с радиослушателями.

– Музыка! Музыка! Музыка! Она поднимает вам настроение, тонус, а также скорость вашего автомобиля! Но не надо забывать, что скорость – это не только выигранное время, но и опасность для не совсем опытных водителей. Но я думаю, все наши слушатели – это опытные профессиональные асы. Конечно, как всегда, вы можете позвонить мне по телефону: 16-16-34. И отвечу я, ваша Лора. А сейчас послушаем, что же нового на нашем автомобильном рынке. Реклама...

И девушка опять переключила тумблер.

Сигарета уже затухла.

Лора достала из пачки новую. Закурила.

В стекло опять постучала подружка.

– Лора, звонок.

Лора переключила тумблер и уже – в эфир:

– Алло вот и первый звонок. Слушаю вас.

– Лора это я...

– Ага, наш постоянный слушатель Олег. Я угадала?

– Да. И ваш поклонник.

– И где вы сейчас находитесь, Олег?

– Я еду по проспекту Героев на встречу с партнерами. Лора, я хочу вам посвятить два небольших четверостишья...

– О, это будет, наверно, приятно услышать и всем нашим радиослушателям. Слушаем, Олег, вас...

– Хорошо. А меня нормально слышно?

– Да. Слушаем вас, Олег.

– Видно, это так и будет:

За зимой придет весна.

Кто-то горе позабудет,

Кто-то вспомнит вкус вина...

Кто-то будет наслаждаться

Чистотой лесных озер.

Мне осталось улыбаться,

Слыша твой прелестный вздор...

– О, Олег, а вы случайно не профессиональный литератор?
– Да нет. На этот стих меня в общем-то вдохновили вы, Лора.
– И, конечно, *мой прелестный вздор*... Я думаю, что чуть позже мы продолжим с Олегом интересное объяснение. А в чем суть *прелестного вздора*, об этом и я, и вы, наши радиослушатели, подумаем, пока будет идти репортаж с автовыставки в нашем городе.

Лора переключила тумблер. И сняла наушники. Взяла сигарету и вышла.

Ее подружка все еще держала трубку телефона.

– Лора, «он» все еще на связи.

Лора, жадно затянувшись сигаретой, подошла и взяла трубку.

– Да, Олег, что ты хочешь?

– Я хочу тебя увидеть.

– Зачем?

– Ты мне нравишься.

– Ты же меня никогда не видел.

– Ну и что? Мне кажется, что ты именно та девушка, о которой я мечтаю всю свою жизнь.

– Почему тебе так кажется?

– Голос у тебя очень мой.

– Как это *мой*?

– Я и сам не могу объяснить. Просто я влюблен в твой голос. А значит, и в тебя. Давай встретимся сегодня...

– Сегодня я не могу.

– Завтра?

– Завтра – будет завтра. Позвони.

И Лора положила трубку.

Во время всего этого разговора Лорина подружка не отрываясь смотрела на Лору.

– Лорка, и чего ты с ним не хочешь встретиться?

– Навстречалась уже...

– А может, этот не такой. Может, он принц.

– Конечно принц, пока в постель не залез. А как залезет, и куда принц девался...

– Ну что ты, Лорка, не все мужики негодяи!

– Может, и не все. Но мне попадались только они. Вот поэтому и не хочется опять пробовать.

– А он упрямый.

– Да и я не девочка.

Лора затушила сигарету и пошла опять к себе в «аквариум» за пульт.

Неделю Олег не звонил.

Лора, как ни странно для нее, стала почему-то беспокоиться, замечала, что непроизвольно шепчет его стихи:

Видно, это так и будет...

Наконец он позвонил.

До передачи.

Когда Лора взяла трубку и услышала: «Это я, Олег...», то заволновалась. В горле почему-то перехватило. И она каким-то не своим голосом ответила:

– Да, я слушаю тебя, Олег.

– Увидимся? – спросил он.

И они увиделись...

Попили кофе в кафе на набережной.

Она оказалась выше его ростом.

Он был юрким, темненьким, слегка лысеющим мужчиной лет тридцати.

Она в основном молчала.

Он много говорил. Волновался.

Она видела, как у него дрожали руки.

Он, очевидно, очень хотел ей понравиться.

То, что она ему понравилась, было видно сразу.

Он же пока не произвел на нее сильного впечатления.

Как-то странно было ей смотреть на него и мысленно читать его стихи: *«За зимой придет весна...»*

Расстались.

На прощанье он сказал, что именно такой ее и представлял.

На работе подружкам на их вопросы сказала:

– Ничего... Милый...

И все.

Потом они встречались еще несколько раз в кафе.

Она еще не разобралась в своих чувствах и поэтому вела себя очень сдержанно. И когда он в одной из встреч предложил ей зайти к нему, она, не проявляя никаких эмоций, согласилась.

Дома у себя он суеился до смешного.

Опрокинул стул. Разбил стакан. Не знал, куда ее посадить.

У него была чисто холостяцкая квартира. Богатая. Но не уютная. Без кошки и собаки.

Сказал, что у него был попугай, но улетел зимой в форточку.

Показал фотографии.

Сообщил, что был женат. Но детей нет.

Показал фото бывшей жены. Чем-то похожей на Лору.

Когда выпили шампанское, поцеловал ее.

Потом повел в спальню.

Она пошла.

Но и там, в спальне, никак не могла отделаться от звучащих в голове его стихов: *«Кто-то горе позабудет...»*

В его объятьях она была тихой и равнодушной.

А он, кажется, этого совсем не замечал.

Он упивался ею. Ее телом. Запахом. И любовью.

Вечером, уже поздно, она приехала домой.

Мама не спала.

Лора прошла в детскую, поцеловала спящего сынишку и отправилась на кухню к маме. Сели с ней там. Выпили легкого красного вина. Поговорили. Поплакали. Даже потихоньку спели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.